

картинка. Пошто молчишь, деда? Что ты несколько часов назад говорил про живое слово и про дух? Ты часто повторял, что предки наши завещали хранить правую веру, без искажений апостольского правила. А про дух... Дух животворит. Ну да... Дух от мертвечины отличить – вот главное...

Ларька почувствовал, что не в силах разомкнуть веки.

В дрёме ему показалось, что Семён Федотыч, читающий псалтирь, стал вдруг выше ростом и годками моложе, начал читать громче и бойчее. Ларька заставил себя открыть глаза. Каково же было его удивление, когда он и впрямь увидел молодую высокую спину в собачьей безрукавке. По голосу узнал Петьку Ефимова. Соперник, которому Михайло Карпович обещал Дарью в жёны отдать, пожаловал в их дом к смертному одру деда. Как он посмел? Да ещё кафизмы перед иконами читает!

Первый порыв – схватить Петра за шиворот и выбросить из избы. Но как можно оскорбить человека, читающего святые тексты?

С трудом сдержал гнев. Когда буря в душе утихла, Ларион встал со скамьи, подошёл к гостю со спины, похлопал по плечу:

– Спаси Христос, Пётр! Дальше – я сам.

Больше ничего не сказал. Ефимов ушёл.

На рассвете Ларька пошёл за домовиной под навес, где хозяйничали куры. Он впервые осмотрел постройки глазами хозяина и ощутил полное запустение. Стропила сарая почернели и скособочились, заплоты на заднем дворе давно стояли пустые, выветрились в них запахи парного молока и навоза. Лишь старая кобылка и её молодой жеребец дремали в стойле на задках, да в будках возле дома были охотничьи дедовы собаки.

Ларька погладил верхнюю часть смертной колоды. Она оказалась загаженной куриным помётом. Парень достал топор, оседлал домовину и начал скрести остриём по бревну, а выходило так, что скрёб себе по нервам. Отбросил топор, схватился за голову.

Почему так устроен мир? Нет в нём постоянства. Подул ветерок не в ту сторону – и пал человек, как былинка. А зачем родился – неизвестно. Чтобы отмучиться и уйти? И оставить несчастными близких? Скорби преследуют всех и повсюду. Почему невозможно просто жить и радоваться?

Дед умел радоваться. Каждому лучику, всякой птахе и букашечке. Куриному яичку. Внезапному дождю. Червячку, появившемуся из влажной почвы. И Ларьке хотелось научиться жить так же – не получалось. Хотя и научал дед внука: «Оставь своеволие и принимай жисть, кака она есть. Недовольство – от гордыни. Отринь уныние, и поселится мир в душе».

Это сколько ж надо с собой бороться, чтоб отринуть!

Надо было поторапливаться: хоронили Ивана Игнатьевича по семейскому обряду на второй день.

Старушки с утра читали молитвы по лестовкам. До поминального обеда полагалось пройти лестовки семь раз. В каждой лестовке – 109 бобочек, а значит, надобно прочесть 756 молитв.

Пока несли усопшего к последнему пристанищу, соседские дети помыли в избе все иконы: к святым образам может прикасаться только безгреш-

ный. Коли кто другой дотронется до «богушко», так перед тем возьмёт в руки чистый платок.

Поминальный стол сладили женщины: кутью, блины, щи, пироги с рыбой – всё, как полагается. Ларька на помин не пожалел денег.

Почти все Чебунины пришли на похороны, лишь Михайло Карпович, а также его домочадцы и братья побрезговали домом родичей. Других семейских было мало. Из соседей – Михайловы, Елизаровы и Думновы, из Ефимовых – никого. Обычно к поминальному столу притекало до трёхсот человек.

«Стороняйся нашего дома, – рассудил Ларион. – Считают Иону осквернившимся, раз он на приисках жил с кем попало. А коли б прознали, что я с бурятами якшался, ни один бы человек не переступил порог нашего дома...»

У родных сосен

На девятый день Ларион пошёл на могилки. Слова «кладбище» семейские не знали или не признавали. Высились восьмиконечные кресты могил на полулысом холме с редкими соснами и елями.

Боль потери стала по-настоящему ощутима лишь теперь, по прошествии девяти дней. Какая тайна заключается в девяти днях? Дед говорил, что ангелы всё это время показывают райские кущи, а уж после покойный проходит через мытарства.

Шёл Рождественский пост, приближался праздник, а на душе было так тяжело, что жить не хотелось. Уход деда Ивана – не просто тяжкая потеря: неодолимый обрыв на Ларькином пути. Как отпевали, как хоронили деда – всё стёрлось из памяти, словно это был плохой сон, который хочется поскорее забыть. Но у любого сна есть конец: досмотрел, проснулся. А действительность какова? Взбирается Ларька на холм, вязнет в снегу и понимает, что пробуждения не будет.

Вот и родовой угол Чебуниных. Ларькина мама Феня – Феодосия. У её могилки разрослась посаженная Ионой берёзка – единственная на могилках. Неподалёку лежат дедушкин отец Игнат и его брат Иван, который тоже был уставщиком. Дальше – отец Игната: прадед Симон, общий дедка с веткой уставщика Федота. А отец Симона Михайло – общий дедка с Михайлом Карповичем и, стало быть, с Дарьей. Вот только нет могилки Савелия – отца уставщика Федота. Почему?

Ларька впервые задумался: а ведь он вообще не помнит деда Савелия... Вроде был, а вроде и не был вовсе. Все семейские по одной фамилии лежат, рядышком, а Савелия нету. Как так? Не забыть бы спросить у дядьки Федота...

В Забайкалье много снега не выпадает, но здесь, среди вековых сосен, для него хорошее убежище. Ларька рукавицей смёл снег с ближайших могил. У деда Ивана натоптано. Намёрзшие комья тяжёлыми валунами набросаны на домовину. Ничего, крепка, тепла такая изба. Прости, деда, спи спокойно...

Ларька притулился к стволу старой сосны. Рядом с ней ещё три сестрицы, чуть помоложе, сплелись крепко ветками, будто из страха, что их разлучат. А кто их может здесь разлучить? Уже никто...

Всем лежащим открывается путь в бесконечное, неземное. Там смолкает судьба, гаснут страсти, растворяется в небытии человеческое это. Только

Бурятия

Бог, только Его любовь.

Правы были предки, что выбирали для могилки самый высокий холм – между земным домом и небесным.

Долго стоял Ларька у родных сосен, пока не почувствовал, как под тулуп пробирается холод. После болезни лёгких и чудесного выздоровления рисковать здоровьем – большая глупость. Впереди – непосильные труды. Надо дожидаться Пасхи и – на зимку. Только бы отец не стал перечить. Если он вообще объявится, отец...

Пора назад, в слободу.

Посмотрел Ларька на тропу, бегущую вниз, и вдруг подумал, что эта тропа ведёт не домой, она – из жизни в смерть. Дорога к жизни, наоборот, – на холм, к корням и стволам этих сосен, к верхушкам и выше...

* * *

Прошло уже две недели, как схоронили деда, а отец так и не вернулся. Небось, загулял в городе. А если сгинул? Дед Иван говорил, что у отца были деньги, а где деньги, там и беда...

Иона появился неожиданно. Ларька был занят по хозяйству. Дал овса лошадям, покормил кур, направился в амбар за мукой и увидел отца – тот стоял посреди двора, широко расставив ноги. Плечист и высок, как дед, но немного сутулился. Голубые глаза смотрят сурово. Окладистая борода срослась с усами, лицо заросло, как у таёжного зверя. Волосы давно не стрижены. Во всём облике – неопрятность, чего раньше никогда не было.

Отец и сын, замерев, смотрели друг на друга. У Ионы из правого рукава овчины выглядывала красная от мороза кисть, другой рукав казался длиннее и поуже – из него ничто не выглядывало.

Наконец Ларька понял, что произошло с отцом, и вмиг простил его за всё. Понял и то, что тятка знает о кончине деда: трагичным и безутешным было его лицо, резче обозначились морщины на лбу и носовые складки, побелела борода.

Помолившись, сели за стол. Отец рывками ощипывал кожуру с горячей картошки и бросал её в рот, глотал, обжигаясь и морщась. Хоть и не принято было говорить за едой, не удержался, спросил, указывая на миску с квашеной капустой:

– Откель?

– Тётъ Зина научила, я и насолил.

– Она по-прежнему бобылкой живёт? – поинтересовался Иона.

– Кто ж её возмёт, колдуниху?

Иона недобро глянул, ничего не сказал.

С утра до вечера занимаясь запущенным хозяйством, отец и сын подолгу молчали. Ларька отвык от Ионы, не знал, как себя вести с ним, о чём говорить. Как просто и легко было с дедом! Тот и Писание знал, притчи разные, как сказки, сказывал, про святых старцев говорил. И шутить умел. Чаще поддевал не другого, а себя, зато собеседнику свой грех виделся яснее. Отец другого склада: смурной молчун, шуток не признаёт.

Как-то раз поехал Ларька с отцом в лес по дрова: летом и осенью некому было заготовить топливо на зиму. Запрягли в сани Ярого. Его мать, рыжая кобыла, совсем обессилела – то ли от старости, то ли от летних перегрузок, когда помогала Ларьке возить из тайги лес на озеро.

Мороз стоял сухой, крепкий. Иона выбрал сосну для рубки и первым взялся за топор: ничего, справимся, махать можно и одной рукой.

Вздрогнула тишина, зазвенела от удара остря о стылое дерево. Взвился к небу снежный пух и вскоре снова посыпался вниз, смешиваясь со свежей стружкой.

Вскоре Ларька сменил отца: молодой, крепкий, за лето поднаторел на рубке. После того, как в стволе обозначился глубокий надруб, отец и сын взялись за пилу. Тяжело было Ионе действовать одной рукой, но сосна уже сдалась, подготовилась к валу. Как только Ларька навалился на неё мощным корпусом, она хрястнула и взвыла. Падала картинно, со стоном, как подбитая птица, разметав в испуге широкие крылья.

Ларька снова взялся за топорик, чтобы очистить ствол от веток. Воздух наполнился запахом свежей порубки.

Начали распил. Тут беда: без поддержки пилы второй рукой у Ионы ничего не получалось. Полотно моталось вправо-влево, извивалось змеей. Ларька заметил, что отец шибко расстроился.

– Отдохнём, тятя. Приноровитесь – получится.

– Получится...

Неожиданно Иона заговорил о приисках, да многословно, будто прорвало плотину, удерживающую боль души.

– Не знаю, как живым остался. Сколь товарищей полегло – жутко вспомнить. А рука – ну её к лешему. Пожить ещё охота.

– Пошто восстали?

– Накопилось. А как ты думал? Положено 11 часов работать, а мы – по 14 да 16 часов, до упаду. Положен выходной – шиш тебе. Помолиться – и на то нет времени. Раньше полегче было. Я летом даже старателем ходил. Один раз вот такой самородок нашёл! – Отец показал сыну сжатый кулак.

– Ого! – восхитился Ларька. – А деньги за него дали?

Иона сморщился, отвёл лицо в сторону и сплюнул.

– Пропили мы тот самородок с мужиками, – буркнул. – Ты тятку не осуждай.

– Я не осуждаю...

– Врёшь, осуждаешь. Не знаешь, каково мне жилось. Там же мерзлота! Ледник кострами разогреем – пойдёт вода. Её откачивать надо без остановки. Стоишь по щиколотку в воде – каки сапоги выдер-

жат? Знамо, намокнут. И роба намокнет. После работы идёшь мокрый пять вёрст по морозу... Всё тело до костей льдом схвачено. Добрался до барака – там грязь, вонь. И тут начал ты оттаивать – боль така, что волком воешь. Утром снова затемно надо выходить, в ледяную шахту спускаться. Хошь не хошь, а приходится лечиться, не то этой же ночью помрёшь, не встанешь. На севере одно лекарство от всех болезней – спирт!

Иона снова сплюнул и с отчаяньем схватился за пилу. Она сначала не слушалась, ходуном ходила вправо-влево, но потом, как умный конь, поддалась единственной руке Ионы Ивановича, признала его власть.

Часа три потратили на заготовку дров. Ехали назад молча. Ларька подумал: раньше на одну сосну ушло бы часа полтора, не больше. Через какие испытания придётся пройти Ионе, прежде чем он привыкнет жить и работать одной рукой? А что если не пустит сына на заимку? У семейских так: как старший сказал, так и будет. Но если Ларька всё же уедет, сдюжит ли отец, оставшись один? Не сопыётся ли?

Уже дома, когда рубили и складывали дрова в скирду, сын спросил:

– Почему вы, тятя, никогда не рассказывали мне про мамку?

Иона промолчал, ничего не ответил.

Вечером после молитвы, когда уже лежали на полатах, отец возобновил откровение.

– Ты, Ларька, не думай, что твой тятка завсегда изгоем был. По молодости меня все уважали, и Хфеня по любви меня выбрала. Имел я мастерство на любое дело, за кое брался. А когда ещё мальцом был, батюшка покойный, Царствие Небесное рабу Божию Ивану, любил зимними днями книжечки почитывать. Мамаша за ткацким станком сидит, тятя читает, а я слушаю, развесив уши. И читал он старинную книжицу – она наверняка в сундуке целёхонька лежит – про муки адовы, как Бог сойдёт судить, как все грешники смолой горячей обольются. И так мне было страшно! Тятя уже давно книжицу закрыл и седьмой сон видит, а я дрожу на горячей печи и представляю, как меня черви будут исть.

И стал я стараться изо всех сил по-доброму жить. Трудился, сил не жалея, молился истово, поклоны земные клал – матушка дивилась, охала да останавливала. Дал я себе слово николи не курить, вино не пить и не браниться. И всё хорошо шло, пока сомнения не напали: что если книжка придумана и нет никакого ада? Откуда про ад знал тот старец, что книжку написал? Не был он там! Жить и так тяжко, утешиться нечем, а кругом запреты: то нельзя и это. А вдруг на тамошнем свете нет ничего хорошего? Стараются-стараются человек, постничает, воздерживается от страстей, умрёт наконец – а там пусто. Сии мысли так меня одолели, что побороли все добродетели в один миг. И сделался я из праведника – последним грешником. Решил заработать много-много денег, чтобы здесь, в земной жизни побыть сытым и богатым. Ты как там, Ларька, не спишь ли? – прервал он рассказ, усомнившись, что сын его слушает.

– Не сплю, – мрачно отозвался парень. – Понятное дело: бесы в уши сомнения напели. Что дальше-та?

– А дальше – сам знаешь: прииски. Знамо дело: кто ишшо, акромья бесов, про золото в уши напеть может? Они, дьявольское отродье! Так что не сделали меня прииски ни сытым, ни счастливым. Из-за золота я Хфеню потерял.

Ларька весь превратился в слух: что ещё тятя про мамку скажет? Но отец молчал. Долго ждал сын продолжения рассказа, да не дождался.

* * *

Крепко взялся Иона за хозяйство. Хоть и не сразу, всё ж кое-как приноровился столярничать одной рукой. Сыну тоже не давал расслабиться, заставлял работать.

Заменили стропила в сарае, отремонтировали стойло.

– Куплю пару телков и ярочек с десятков – пущай плодятся, радуют глаз и ухо. Надоела энта мертвецкая тишина. – И вдруг добавил: – Ты б женился, а? Деток голоса – в самый раз были б в доме. А то у меня душа обуглена, сердце стылое. Как жить, не ведаю.

– Да я, тятя... – Ларька не был готов к разговору. – Я ж заимку взял в Тохое, разве ты не знаешь? Сосватаю невесту да туда свезу.

– Тьфу ты! – Иона сплюнул, выругался словами, каких Ларька сроду не слышал, и бросил топор, ушёл в избу.

С того дня он стал часто отлучаться из дому. Приходил трезвый, и это настораживало сына: куда он мог ходить? К уставщику – вряд ли. Друзей у Ионы в слободе не было, если не считать пьющих: эти часто заглядывали. Знали, что у него с приисков сохранены деньги, просили на трактир. Всё это были не старообрядцы, а сибиряки, крестьяне и ремесленники. Раньше путь в дом им был заказан, теперь же, с уходом деда, рухнул старинный закон.

Ларьку это не радовало. Часто, ворочаясь на полатах без сна, думал он о старой вере. Была в ней какая-то сила, надёжная опора. А что ежели дед правду говорил о вероотступниках? Получается, что катимся вниз: от хорошего к худому. Какие же времена грядут?

Молодо-зелено

Хоть Иона и начал поднимать двор, многие продолжали относиться к нему как к осквернившемуся и обходили дом стороной. При таком раскладе как можно помышлять о свадьбе с Дарьей? Не раз порывался Ларька сходить к Михаилу Карповичу, но всякий раз себя останавливал: надо сначала подняться, показать, чего ты стоишь.

На вечерках Дарья не появлялась, спросить о ней у подружек парень стеснялся. Неожиданно в гости пришёл Михаил Елизаров. Отца не было дома.

Памятуя о встрече на улице, Ларька для остротки нахмурился, но в душе был очень рад появлению Мишки: хоть что-то от него узнать – так сердце приоткрылось от неведения.

Была и другая причина для этой радости: коли Мишка переступил порог их дома, значит, не отвергнуты Иона и Ларька семейской общиной.

– Ты садись, садись, Михаил! – суетился Ларька, подвигая скамью к столу. – Сейчас чаевать будем – у меня самовар как раз готов.

– Возьмёшь – черно, польёшь – красно. Пан

кричит «сладко», а мы кричим «гадко», – Мишка проговорил загадку про чай, которую сизмальства знал каждый семейский, потому что чай, как любой крепкий напиток, был запрещён уставом. Произнёс высокомерно, подчеркнув, что он-то знает устав, а Чебунины, видать, подзабыли.

Ларька поморщился, но сдержал норы, сказал спокойно, между тем ругая себя за то, что начал метаться перед незванным гостем:

– Разве я тебе чёрный чай предлагаю? У меня душица со зверобоем в ковше заварены. С медочком попьём – глядишь, сердце разогреется. А то у нас с тобой в последнее время недопонимание выходит.

– Ну да! Это ты кипятишься, а я что? Пришёл с миром по старой дружбе. Меня, браток, что интересует? Не жалеешь ли ты, что заимку взял?

– Ну взял... Заимка не жена. Жену не ту выбрал – ешь, хоть подавись, до скончания веку. А заимку бросить – кака бяда? – Ларька водрузил на стол самовар, пошёл в кухню за мёдом.

– Понятное дело, – крикнул Мишка. – Ты мне честно скажи: как там земля? Жить можно?

Хозяин не ответил. Друзья помолились, налили чай.

– Я тоже хочу уйти на заимку и жить на воле, – пояснил гость.

– Заимку взять – что в поле поссать, а дом поставить – не скирду сложить. Трудиться надо без сна день и ночь, иначе никак нельзя. Как говорицца, живой не без хфатиры, мёртвый не без могилы.

Ларькины слова задели Мишку, но он не растерялся:

– Так и я тебе, брат, по-русски отвечу: не рыбака рыбу ищет, а рыба рыбака. Ещё что скажу: полно молодёжи слободской в ратники ополчения записали. Ты тоже, кстати, в списке. Хочешь служить?

– О чём ты? Мне дом поднимать надо. Люблю, когда хлеб колосница, когда тёлочка телицца, молочко доицца.

– Тогда пошто меня от заимки отговаривашь? Али не хочешь, чтобы кто другой с тобой соперничал?

– Да что ты, Михаил! Разве ж я отговариваю? – Ларька устыдился своей спеси. – Давай соберём ребят, сколотим артель заимщиков и зачнём своё поселение. Как тебе такое предложение?

Елизаров вытаращил глаза.

– Это ты сейчас надумал или раньше?

– Сейчас, – откровенно признался Ларька.

– В корень глядишь... Энтю, паря, надо обмозговать. Жись всё труднее, а где-то земля пропадает, незапаханная. Подати непосильные, да ишшо с каждого хозяина налог. Тятя ропщет: «Где взять такие деньги?»

– Негоже плакаться, Миха! – Ларьке не нравилось, когда друг начинал жалобиться.

– Хорошо тебе... Иона, говорят, большие деньги принёс. А другие? Взять нашего соседа. Дядька Хфома – инвалид, евошный сын в солдатах, невестка одних девок наплодила. Кому работать? Всё одно налог платит.

– Ну, коли твоя семья так же бедствует, как и Хфомина, – Ларька сознательно подчеркнул Мишкин старый выговор, хотя сам приучился говорить

чистое «ф», – пошли со мной по весне в Тохой. Бери заимку и подымай.

– Кого ещё возьмём? – Елизаров воодушевился. – Артелью работать веселее, да и подсобим друг другу. Предлагаю Афанасия Думнова – он парень работающий... Мишку Баннова, Братьев Ефимовых – Елистрата и Григория. Можно ишшо Евсташку Акинфиева. Сгодяцца таки в друзья?

– Мысль здравая. Тока они сами должны захотеть. Понимаешь? – Ларька почесал затылок. – Давай Петьку Ефимова позовём?

Ларион и сам не ожидал от себя такой мудрости: уговорить соперника уехать из слободы – значит оттянуть намечающуюся свадьбу Петьки и Дарьи. А там, глядишь, Ларька первым построится, и у Михайлы Карповича не будет другого выхода, как отдать дочку за него.

Мишка насчёт Петра ничего не сказал, но почему-то поинтересовался, собирается ли Ларион сватать Дарью.

– Попытаю счастья, – ответил тот уклончиво, – а там – как Бог даст.

– Ну да, ну да... А мне, брат, девки не семейские любы.

– А какие?

– Мы с тобой в самом соку. – Мишка покосился на киот и понизил голос почти до шёпота, будто испугался, что Бог услышит. – Кровь играет. Ты меня на краю слободы встретил, почто не спросил, откель иду?

– Откель? – Ларька тупо смотрел на друга.

– Там купчиха живёт вдовая.

– Ты что, Мишка, купчиху вдовую полюбил?

– Зачем полюбил? Говорю же: кровь играет. – Друг по привычке похлопал себя по ляжкам. – Это как болезнь. Кто ж её вылечит, как не баба?

У Ларьки от переносицы до самых волос поперечная морщина легла, а сам он дара речи лишился и смотрел на друга, как на прокажённого.

– Ты как будто только из скорлупы вылупился. Не понимаешь, об чём говорю.

– Я одно не понимаю: как можно без любви? Бык и тот не на всяку корову вскочит!

– Да ну тебя! – Мишка рассердился, махнул рукой. – Об чём толковать, коли ты бабу на вкус не пробовал? Ты вот по Дашке сохнешь, а что про неё знаешь?

– Что я должен знать? – насторожился Ларька.

Елизаров похлопал свои плотные бёдра, глянул на друга и сразу отвёл глаза: он сомневался, можно ли говорить с неопытным человеком на плотские темы.

– Говори, чего молчишь?

– Ну, допустим, ты пришёл в гости и сел с хозяйками за стол. Тебе ещё не подали миску с киселём, а ты уже нахваливашь угощение. Могёт такое быть?

– Причём здесь кисель? Что я, баба – кисель нахваливать? Я тебя про Дарью спрашиваю: чего ты про неё знаешь?

– Дурак ты... Ничо в бабах не смыслишь, а туда же: любовь! Я тебя спрашиваю, ответь: можешь ты знать, сладкий ли кисель, покуда не распробуешь?

Ларька напрягся. Он тупо смотрел на притолоку двери, откуда спускалась паутина. От напряжённой тишины она покачивалась, будто на неё дули.

– Так вот ты о чём! – прошипел Ларион, вздох-